

Живокина Майя Александровна

ЭВОЛЮЦИЯ КАТЕГОРИИ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОБИРАТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена одной из важных категорий языка - категории собирательности. Рассматриваются основные этапы ее развития. На основе трудов отечественных и зарубежных ученых дается обзор этой категории с традиционной и когнитивной точек зрения. Рассмотрение категории собирательности вообще и собирательных существительных в частности не только в синхроническом/диахроническом, но и традиционном/когнитивном аспектах представляет особую практическую и теоретическую ценность для исследований в данном русле.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-1/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 1. С. 73-76. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Таким образом, вежливость является относительным понятием не только в «качественном» отношении (что считать вежливым), но и в «количественном» (в какой степени этот принцип реализуется – той или иной языковой формой). Абсолютных маркеров вежливости, как, например, *s'il vous plaît* (*пожалуйста*), в языке немного. Большинство лингвистических единиц приобретают этот признак в определенном контексте и, как уже было сказано, реализуют принцип вежливости в разной степени. Каждая из приведенных выше форм в определенных коммуникативных ситуациях может быть вежливой, нейтральной или иметь иронический смысл.

Список литературы

1. **Беляева Е. И.** Грамматика и прагматика побуждения. Английский язык. Воронеж: ВГУ, 1992. 168 с.
2. **Беляева Е. И.** Коммуникативная ситуация и речевой акт просьбы в английском языке // Иностранные языки в школе. М., 1987. № 1. С. 6-9.
3. **Ерофеева Е. В.** Прагматическая реализация категории побудительности во французском дискурсе (на примере речевых актов приказа и команды) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33). Ч. 1. С. 76-79.
4. **Ерофеева Е. В.** Прагматические аспекты речевых актов различной коммуникативной направленности в современном французском языке / ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2014. 286 с.
5. **Просьба** [Электронный ресурс] // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-27788.htm> (дата обращения: 12.08.2016).
6. **Серль Дж.** Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 195-222.
7. **Exbrayat.** Aimez-vous la pizza? Paris: Librairie des Champs-Élysées, 1991. 254 p.
8. **Exbrayat.** Espion, où es-tu, m'entends-tu? Paris: Librairie des Champs-Élysées, 1992. 191 p.
9. **Exbrayat.** Un coeur d'artichaut. Paris: Librairie des Champs-Élysées, 1990. 186 p.
10. **Fallet R.** La soupe aux choux. Paris: Denoël, 1980. 236 p.
11. **Pennac D.** Au bonheur des ogres. Paris: Gallimard, 1985. 256 p.
12. **Pennac D.** La fée carabine. Paris: Gallimard, 1987. 310 p.
13. **Robert P.** Le nouveau Petit Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris: Les Dictionnaires Roberts, 2008. 2838 p.
14. **Simenon G.** Tout Simenon. Paris: Presse de la Cité, 1988. Vol. 2. 894 p.
15. **Vailland R.** Les mauvais coups. Paris: Editions Grasset, 1991. 249 p.

DIRECT AND INDIRECT WAYS OF EXPRESSING A SPEECH ACT OF REQUEST IN FRENCH

Erofeeva Elena Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ural State Pedagogical University
Ural State University of Economics
e.v.erofeeva@yandex.ru

The article is devoted to the systematization of the direct and indirect ways of arranging the speech act of request in the French language. The paper carries out the analysis of the semantic and pragmatic features of the speech act of request as a representative of directive speech acts. In addition to the description of this speech act and highlighting its features, the author concludes that in the process of the implementation of the speech act of request adherence to the principle of courtesy is necessary for both the speaker and the addressee. Examples from literature illustrate the author's conclusions.

Key words and phrases: speech act of request; directive; direct and indirect ways of expressing request; pragmatic analysis; implementation of principle of courtesy; courtesy markers in French discourse.

УДК 81

Статья посвящена одной из важных категорий языка – категории собирательности. Рассматриваются основные этапы ее развития. На основе трудов отечественных и зарубежных ученых дается обзор этой категории с традиционной и когнитивной точек зрения. Рассмотрение категории собирательности вообще и собирательных существительных в частности не только в синхроническом/диахроническом, но и традиционном/когнитивном аспектах представляет особую практическую и теоретическую ценность для исследований в данном русле.

Ключевые слова и фразы: количественная неопределенность; категория собирательности; собирательные существительные; языковая репрезентация категории; когнитивный аспект категории.

Живокينا Майя Александровна, к. филол. н.
 Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
 «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», г. Воронеж
binetaya@mail.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ КАТЕГОРИИ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ
 (НА МАТЕРИАЛЕ СОБИРАТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Несмотря на то, что вопросами статуса и дифференциацией собирательных имен исследователи занимаются очень давно, до сих пор остается много нерешенного до конца, что порождает многочисленные дискуссии и споры, хотя полное функциональное описание этого класса имен еще не создано.

Цель данной статьи – проследить становление категории собирательности вообще и собирательных существительных в частности не только с позиции традиционной лингвистики, но и под когнитивным углом зрения.

Понятие количества сложилось в ходе длительного развития человеческого общества. Наши далекие предки не испытывали необходимости в счете, чтобы решить, полным или неполным является определенное множество. Древний человек, уже приручивший собак, отправляясь на охоту, осматривал стаю своих помощников (причем каждую собаку он знал лично и по ряду признаков отличал от других), и если вдруг обнаруживал, что одной собаки не хватает, он начинал тут же звать ее. В ту пору мышление еще не выделяло отдельных единиц для числа, количество ощущалось и воспринималось, но не мыслилось отвлеченно [9, с. 129].

Количественные характеристики были неразрывно связаны с качественной определенностью обозреваемых предметов. Они сливались с идеей предметности (например, в словаре некоторых народов Севера до сих пор сохраняются отдельные слова для обозначения одного оленя, двух оленей и т.д.; у некоторых народов, живущих в пустынях, имеет место примерно то же самое явление при подсчете одного, двух и большего числа верблюдов) [4, с. 59]. В языке меланезийцев 10 кокосовых орехов носят название «а буги», 10 рыб – «бола» [11, с. 69]. В языке американских индейцев есть специальные числительные для счета предметов различного рода. Даже с появлением числовых обозначений в процессе развития категории количества они использовались только в сочетании с названиями конкретных предметов [9, с. 270-272].

Ф. Кликс называет эти термины «вспомогательными множествами», видя в них первые шаги в направлении от предметного к абстрактному обозначению количества [5, с. 216].

Действительно, нельзя «на глаз» сказать, сколько в рое пчел или рыб в косяке. Количественность, выражаемая в лексических единицах, которые называют такие совокупности, есть результат обобщения однородных предметов или явлений [14, с. 128]. Они являются своего рода конкретизаторами неопределенного множества, указывая на совокупность предметов или живых существ и принимая участие в дискретизации предметного мира. В этом факте можно усмотреть отзвуки начального этапа «предметного» мышления, описанного выше. Слова «стадо» (коров), «табун» (коней), «отара» (овец) и т.д. различаются между собой типом группируемых денотатов; но они все вместе противопоставляются именам совокупностей людей типа «толпа», «группа», «отряд».

Отличие от имен числительных (которые называют определенное, конкретное количество), выражению количественной неопределенности служат особые лексико-грамматические разряды слов, обладающие общим семантическим признаком, который помогает выражать те или иные категориальные морфологические значения [6, с. 115]. К одному из таких разрядов существительных относятся собирательные существительные, которые являются реликтовым атрибутом того этапа развития нашего мышления, когда «количественность» и «предметность» были спаяны в одном слове [5, с. 216]. Этим объясняется тесная связанность категории собирательности с качественной классификацией денотатов.

Известны слова французского писателя Антуана Ривароля (1753-1801): «Способность человеческого ума придумывать собирательные понятия, эта великолепная уловка, стала причиной чуть ли не всех его заблуждений» [Цит. по: 1]. Действительно, собирательные имена существуют как бы сами по себе, но это не симулякры, это единицы, поддающиеся анализу как в русле традиционных лингвистических исследований, так и с когнитивной точки зрения. Утверждая когнитивную природу языковых явлений и усматривая в ней непосредственное проявление связей реального мира, познавательной деятельности и языка, ученые пытаются также познать тайны формирования языковых категорий и тем самым проникнуть в сущность значения единиц, их называющих [13, с. 104].

В любом наблюдаемом или мыслимом множестве человек стремится увидеть некоторую упорядоченность. «Неупорядоченные множества психологически связываются с хаосом, ср. *куча, гряда, ворох, кипа, гора*, в том числе и по отношению к людям: *гурьба, ватага, орава, сброд, скопище, шатня*, тогда как функционально или социально упорядоченные группы рациональны и контролируемы: комплекс, комплект, серия, набор, сервис, звено, команда, отряд, совет, комитет и т.п.», – пишет Н. К. Рябцева [10, с. 110]. Именно поэтому мы упорядочиваем звуки и краски в гаммы, звезды сводим в созвездия и т.д. или сами становимся членами упорядоченных множеств, которые получают свои вербальные обозначения: толпа людей, ватага мальчишек и др., то, что мы называем собирательными существительными.

По словам Р. М. Фрумкиной, под собирательными существительными подразумевается некая «очерченность», вычленение из всего неограниченного числа объектов некоторой их части. Эти имена существуют как будто специально для того, чтобы выделить из числа объектов стандартные или типичные группы, с которыми люди часто сталкиваются в жизни. Гораздо удобнее оперировать с подобной группой как с целым, обозначенным своим собственным именем, чем перечислять объекты, входящие в эту группу [12, с. 148].

Эта тенденция была прослежена еще в XV веке настоятельницей женского монастыря, Джулианой Бернерс, которая писала, что способ словарных обозначений объектов, разных по своей природе, будет также различным: стая голубей – *a flight of doves*, рой пчел – *a slewthe of beeres*, стадо гусей – *a gagle of geys*, скопление людей – *a congregacyon of people*, толпа мужчин – *a hoost of men*, компания дам – *a bevy of ladyes*, товарищество фермеров – *a felyshyppunge of jomen*, братство священников – *a pontificality of prestys* и др. [Цит. по: 15, р. 869-870].

Вторя этому, словарь «Funk and Wagnalls Standard Desk Dictionary» указывает, что совокупность птиц и млекопитающих небольшого размера обозначается существительным *flock*. Для названия особей крупного рогатого скота используется лексема *herd*. Животные, собранные для перевозки, объединяются именем *drove*. Далее словарь приводит список собирательных имен, сочетаемость возможностей которых весьма

ограничены: стая перепелов – *a bevy of quail*, стая куропаток – *a covey of partridges*, стадо гусей – *a gaggle of geese*, косяк китов – *a gam of whales*, свора собак или волков – *a pack of dogs or wolves*, группа львов – *a pride of lions*, рой пчел – *a swarm of bees* [17, p. 244].

Ср. с русским: овцы – *отара*, коровы – *стадо*.

Если сто бегунов, как один бегун, это можно назвать так и сяк,

У лошадей это будет табун, у рыб это будет косяк (Машина Времени. «Кошка») [8].

Некоторые имена совокупностей – *куча, ворох, груда, кupa* – получили статус «полупустых», когда участие правого окружения в словосочетании с таким именем считается практически обязательным условием для понимания высказывания. Такие имена совокупностей, как *сервиз, колода, гарнитур, комплект* и т.д. относятся к совокупностям, обладающим определенной структурой – в том смысле, что изъятием одного члена этого множества мы разрушаем, «разукомплектовываем» данную совокупность. Колода без одной карты перестает быть колодой, а сервиз, в котором отсутствует хотя бы одна чашка, – уже не сервиз, а набор посуды [12, с. 152].

Языковая репрезентация категории собирательности часто предполагает двукомпонентную модель (некоторое количество – чего?), выводя на первый план проблему сочетаемости как процесса и образования словосочетания как результата этого процесса.

В английском языке гетерогенность собирательных существительных, репрезентированных синтаксической моделью «N₁ of N₂», проявляется в существовании групп, в которых выражаются значения неопределенно-ограниченного числа (*a bunch of flowers*), неопределенно-большого числа (*a host of friends*), конкретного числа (*a trio of singers*), приблизительно-конкретного числа (*a litter of puppies*), неопределенно-малого числа (*a squad of men*) [3, с. 78].

Свободное словосочетание модели «N₁ of N₂», в отличие от фразеологического сочетания, выстраивается с помощью отдельных автономных существительных, сохраняющих свою семантическую самостоятельность; оно является свободно членимым на уровне слов. Синтаксические связи компонентов словосочетания оказываются, однако, далеко не всегда свободными: довольно часто они обуславливаются лексико-грамматическими свойствами и синтаксическими особенностями отдельных групп слов, принадлежащих одной и той же части речи [7, с. 28-29].

Одним из выделенных типов смысловых компонентов с обязательно-дистрибутивной связью Н. И. Лихошерст выделяет «объединение (совокупность) предметов». В первую подгруппу входят существительные, обозначающие наиболее общие объединения, объединения с более четкой организацией, со специфическим значением формы соединения предметов в одно целое. Во второй подгруппе указываются собирательные существительные, которые обозначают набор одних и тех же предметов или предметов одного назначения, представленных раздельно [Там же, с. 83].

Важно, что Е. Крузинга обратил внимание на семантическую избирательность некоторых слов: *a flight of steps, a parcel of servants*. Г. О. Керм чуть позже рассматривал эту синтаксическую конструкцию с собирательным существительным в качестве ядерного компонента: *a herd of cattle, a row of trees, a chain of mountains* [Цит. по: 16, vol. 3, p. 3]. Наиболее яркими примерами собирательных существительных в грамматике Дж. Г. Хука считаются слова, к которым примакают определенные названия объектов: *a bevy of girls, a crowd of sightseers, a swarm of bees* [18, p. 147].

Особенно отчетливо эта идея прозвучала в работе О. Есперсена: «Многие слова, которые сами по себе не обозначают множество людей, приобретают собирательное значение в определенных контекстах, как в случае с *the bench of a body of judges* или *village*, когда имеются в виду ее обитатели» [19, p. 210]. Именно О. Есперсен заметил, что конкретные собирательные существительные сочетаются с названиями определенных объектов действительности: *a set (of tools, of volumes), a pack (of hounds, of cards), a bunch (of flowers, of keys), a herd (of oxen, of goats)* и т.д. [Ibidem, p. 195].

В заключение подчеркнем, что категория собирательности служит в качестве способа выражения количественной неопределенности. В отличие от имен числительных, выражению количественной неопределенности служат особые лексико-грамматические разряды слов – собирательные существительные, которые являются реликтовым атрибутом того этапа развития нашего мышления, когда «количественность» и «предметность» были спаяны в одном слове. Этим объясняется тесная связанность категории собирательности с качественной классификацией денотатов.

Список литературы

1. **Афоризмы про разум** [Электронный ресурс]. URL: <http://letter.com.ua/aphorism/um2.php> (дата обращения: 25.08.2016).
2. **Живокينا М. А.** Структуры представления знаний, объективируемые моделью «N₁ of N₂» (на материале собирательных существительных английского языка): дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2007. 140 с.
3. **Игнатъева Э. В.** Условия семантического варьирования квантитативных лексем именной системы английского языка // Морфологические и семантические проблемы слова как номинативной единицы: сб. науч. тр. Горький: ГГПИ им. М. Горького, 1988. С. 74-80.
4. **Кедров Б. М.** О повторяемости особого рода в процессе развития // *Философские науки*. 1959. № 1. С. 49-61.
5. **Кликс Ф.** Пробуждающееся мышление: у истоков человеческого интеллекта / пер. с нем. М.: Прогресс, 1983. 302 с.
6. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
7. **Лихошерст Н. И.** Субстантивные словосочетания типа N₁ of N₂ с обязательно-дистрибутивной связью компонентов в современном английском языке: дисс. ... к. филол. н. Киев, 1970. 249 с.

8. **Машина Времени. Кошка, которая гуляет сама по себе** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mashina-vremeni.com/Notnaya/CHORDSbest.htm#koshka> (дата обращения: 25.08.2016).
9. **Панфилов В. З.** Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М.: Наука, 1982. 356 с.
10. **Рябцева Н. К.** Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка: языки пространств: сб. науч. тр. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 109-116.
11. **Спиркин А. Г.** Формирование абстрактного мышления на ранних ступенях развития человека // Вопросы философии. 1954. № 5. С. 62-81.
12. **Фрумкина Р. М., Михеев А. В., Мостовая А. Д., Рюмина Н. А.** Семантика и категоризация. М.: Наука; АН СССР, ИЯ, 1991. 168 с.
13. **Харитончик З. А.** Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний: сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1992. С. 98-123.
14. **Химик В. В.** Количественность как функционально-семантическая категория и понятие квантитатива // Проблемы лексикологии и семасиологии русского языка: лингвист. сб. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1977. Вып. 9. С. 125-130.
15. **Brewer E. C.** The Dictionary of Phrase and Fable. N. Y.: Galley Press, 2000. 1324 p.
16. **Curme G. O.** A Grammar of the English Language: in 3 vol. Boston – N. Y. – Chicago, etc.: Heath, 1935. Vol. 2. Parts of Speech and Accidence. 370 p.; Vol. 3. Syntax. 616 p.
17. **Funk and Wagnalls Standard Desk Dictionary.** USA: Funk and Wagnalls, 1983. 878 p.
18. **Hook J. H., Mathews E. G.** Modern American Grammar and Usage. N. Y.: Ronald, [cop. 1956]. 475 p.
19. **Jespersen O.** Essentials of English Grammar. L.: Allen & Unwin, 1948. 387 p.

**EVOLUTION OF THE CATEGORY OF COLLECTIVITY
(BY THE MATERIAL OF COLLECTIVE NOUNS IN THE ENGLISH LANGUAGE)**

Zhivokina Maiya Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Military Educational-Research Center of Air Force
“Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin” in Voronezh
binemaya@mail.ru

The article is devoted to one of the most important categories of the language – the category of collectivity. The main stages of its development are considered. An overview of this category is given from traditional and cognitive perspectives basing on the works of Russian and foreign scientists. The consideration of the category of collectivity in general and collective nouns in particular not only in synchronic/diachronic, but also in traditional/cognitive aspect is of certain practical and theoretical value to researches within this framework.

Key words and phrases: quantitative uncertainty; category of collectivity; collective nouns; linguistic representation of category; cognitive aspect of category.

УДК 811.512.2

В статье раскрываются основные способы реализации категории эмотивности в художественном тексте на примере произведений Н. Калитина «Бултамни» («Охотник»), «Бугады мо» («Священное дерево») на эвенкийском языке. Анализ художественных текстов показывает, что специфика письменной речи ограничивает использование средств, приемлемых для реализации эмотивной функции в устной речи. В связи с этим использование междометий и средств фонетического уровня для выражения эмотивности в художественном тексте уступает место средствам и приемам лексического и синтаксического языковых уровней.

Ключевые слова и фразы: эмотивность; эмоция; эмоциология текста; письменная речь; устная речь; эмотивная функция языка; аффектив.

Зотова Наталья Владимировна
Удмуртский государственный университет
tyurikalova@mail.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЭВЕНКИЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ Н. КАЛИТИНА)**

В последнее время вопрос изучения эмоций приобретает все большую популярность. Это неудивительно, ведь многие ученые и исследователи отмечают способность эмоций проникать в различные сферы человеческой деятельности. В частности, как утверждает А. Н. Леонтьев, «эмоции выполняют функцию регулирования активности субъекта путем отражения значимости внешних и внутренних ситуаций для осуществления его жизнедеятельности» [Цит. по: 12, с. 11]. К. Изард подчеркивает, что люди всегда в некоторой степени испытывают какую-либо эмоцию, или же что не существует действий и поступков без аффекта [8]. В. Н. Телия также отмечает: «...чувство – это всегда отношение субъекта к переживаемому им миру. Абстрактных чувств